

ОБЗОРЫ

Яницкий О.Н.*

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

(по страницам нового журнала «Россия в глобальной политике»)

Погружаясь все более в разнообразие «бумажной» или «виртуальной» социологической периодики, полезно иногда посмотреть: а что же происходит там, за нашей профессиональной «околицей»? Тем более, если эта «околица» представляет собой передовой рубеж мировой политической мысли.

Выходящий с января 2003 г. ежеквартальник «Россия в глобальной политике» имеет все основания для подобной роли. Его учредители – Общественный совет по внешней и оборонной политике, Российский союз промышленников и предпринимателей (работодателей) и ОАО «Редакция Газеты “Известия”». В Редакционный Совет этого общественно-научного журнала входят политики и политологи международного ранга: С.А. Караганов (председатель Совета), А.Г. Арбатов, К. Бильдт (Швеция), Д. Хоуг (США), И.С. Иванов, В.Л. Иноземцев, М.М. Кожокин, А.А. Кокошин, Г. Коль (Германия), В.П. Лукин, Е.М. Примаков, А.В. Торкунов, Т. Монбриаль (Франция), У. Уоллес (Великобритания) и многие другие, столь же известные имена. Главный редактор – Ф.А. Лукьянов.

Не менее существенно, что это – двуязычный журнал, к тому же публикующий самые свежие статьи из «Foreign Affairs», одного из наиболее уважаемых международных политических журналов. Как сказано в его рекламном проспекте, «Before it becomes policy, it's in Foreign Affairs». Таким образом, новый журнал претендует на роль презентации мнений теоретически и политически влиятельного сообщества.

Журнал имеет как постоянные рубрики «Комментарии», «Новые угрозы», «Глобальная экономика и энергетика», «Рецензии», так и тематические разделы, варьирующие от номера к номеру. Используется и такая форма, как ситуационный анализ критических международных конфликтов.

Данный краткий обзор преследует цель выявления некоторых точек соприкосновения социологии и политической науки в изучении процесса глобализации как такового и его воздействия на современную Россию.

Что же такое глобализация?

Как пишет Ст. Хоффман, «классический реализм Х. Моргантау и Р. Арона эффективен <лишь> для отдельных государств... Реальный мир глобализации совсем не похож на тот, пришествие которого празднует Фридмэн. Фактически существуют три вида глобализации. Во-первых, это экономическая глобализация, главными действующими лицами которой «наряду с государствами и международными организациями, становятся компании, инвесторы, банки и частный сектор сферы услуг». Основная дилемма современного капитализма это «противоречие между эффективностью и справедливостью». Во-вторых, «культурная глобализация... Здесь ключевым является выбор между унификацией (которую часто называют “американизацией”) и стремлением к многообразию. Результатом становятся одновременно “расколдовывание мира” (по выражению Макса Вебера) и реакция против

---

* Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

© Яницкий О., 2003

© Центр фундаментальной социологии, 2003

унификации... Наконец, в-третьих, существует политическая глобализация как результат двух первых. Для нее характерно главенство США и их политических институтов, а также наличие широкого спектра международных и региональных организаций и систем межправительственных связей, распространяющихся на такие сферы, как обеспечение порядка, миграция и правосудие. Для политической глобализации также характерно существование частных институтов, которые нельзя отнести ни к правительственным, ни к чисто государственным. К таковым, например, относятся “Врачи без границ” и “Международная амнистия”» [1, с.82–83]. Хоффман делает еще несколько важных выводов: глобализация – детище США, ее фундаментом является американская экономическая мощь; «радиус действия глобализации строго очерчен, так как в сферу ее влияния не попадают многие бедные страны»; «международное гражданское сообщество пребывает в зачаточном состоянии»...По сути, глобализация – это лишь набор технических средств..., предоставленных в распоряжение государств или частных пользователей, которыми движут своекорыстные интересы и идеология, а вовсе не гуманитарные соображения» [1, с.83–84].

Далеко не традиционная точка зрения на глобализацию выдвинута В. Иноземцевым: «современная глобализация со всей очевидностью продемонстрировала, что экономическое развитие “периферии” в еще большей степени, нежели прежде, зависит от хозяйственных потребностей (и возможностей) великих держав», в результате чего выявились новые “точки роста”» [2, с.162]. Далее, как и ранее, «неучастие той или иной страны в процессе глобализации представляло собой серьезное препятствие для развития». В 1999–2000 гг. Россия, «занимая 11,7% площади на карте мира, обладала лишь 1,63% мирового ВВП и обеспечивала 1,37% мирового экспорта, представленного в основном сырьевыми товарами» [2, с.163]. Глобализация «остаётся однонаправленным процессом: иллюзорное единение мира определяется усилиями развитых стран, в то время как активность стран Третьего мира проявляется лишь в том, что известный американский социолог Сейла Бенхабиб удачно назвала “обратной глобализацией”, – в банальной миграции населения “периферии” в страны “центра”, принимающей угрожающие масштабы...Интерес к культурным и социальным традициям стран “периферии” сегодня, как и прежде, носит в развитых странах подчеркнуто антропологический характер» [2, с. 163–164].

Таким образом, по Иноземцеву, «процессы, называемые глобализацией, на поверку оказываются естественным результатом освоения сначала европейцами, а затем и представителями *Western offshoots* все новых регионов планеты. По сути, единственной особенностью современного этапа глобализации является то, что границы периферии, осваиваемой западным миром, простираются в наши дни на весь земной шар». Однако установление контроля над остальным миром, «не предполагает включения всей периферии в состав единой цивилизации, строящейся на западных принципах демократии и экономического либерализма». Напротив, «глобализация вполне допускает неравенство и даже предполагает разделение мира на “центр” и “периферию”» [2, с.164–165].

Экономическое неравенство есть рычаг для перераспределения одной социальной группой (богатыми) в свою пользу непропорционально большую часть общественного богатства. Поскольку сегодня наиболее редким, и потому наиболее ценным ресурсом становится знание, «логично предположить, что именно информационное неравенство, не имеющее к пресловутой глобализации прямого отношения, и определяет современный раскол мира на “золотой миллиард” и остальное человечество» [2, с. 168].

«Информационная революция в странах Запада, с одной стороны, резко ослабила их заинтересованность в природных и трудовых ресурсах государств “периферии”, а с другой – создала ресурс, практически бесплатное тиражирование которого позволяет западным корпорациям получать многомиллиардные прибыли. В последние десятилетия усиливается не “эксплуатация” “центром” “периферии”, а его безразличие к ней...Если потоки капиталов и сегодня остаются разнонаправленными, то потенциальные создатели знаний мигрируют исключительно из “периферии” к “центру”. Процесс социальной поляризации во всемирном масштабе становится поэтому неконтролируемым и необратимым» [2, с. 168–169].

Однако самый тревожный для России вывод заключается в том, что «в современных условиях даже ускоренное развитие отсталых стран не способно обеспечить сокращение мирового неравенства». Более того, «развитие» вытесняется «гуманитарной помощью». Сегодня поставки гуманитарной помощи, осуществляемые неправительственными организациями США и Западной Европы, «обеспечивают до 18% продовольствия и до 60% лекарственных препаратов, потребляемых в 60 беднейших странах планеты. Подобная практика становится самовоспроизводящейся и, таким образом, период надежд на “развитие” завершился, а перспективы многих развивающихся стран связаны лишь с благотворительностью западного мира» [2, с. 170–171]. По мнению автора, по этим и другим причинам становится все более актуальной задача пересмотра многих социологических концепций, казавшихся до сих пор фундаментальными. [2, с. 173].

Как Россия может включаться в этот процесс?

Другие авторы не столь пессимистичны и предлагают различные сценарии такого включения. Позиционирование России на международной арене как самостоятельного игрока, утверждают Т. Бородачев и Т. Романова, не может длиться долго. Придется выбирать. Но между чем и чем? – Возможны три сценария. Наихудшим авторы считают «политику развития», применявшуюся Евросоюзом в отношении развивающихся стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, поскольку она вскорости приобрела принцип политической обусловленности, позволяющий «приостанавливать помощь и даже вводить санкции при нарушении партнером принципов демократии или несоблюдении им прав человека» [3, с.55].

«Во втором случае степень интеграции российской и европейской экономик (при сохранении доминирующего положения последней) будет настолько велика, что Москва попросту не сможет позволить себе резких внешнеполитических движений. Любой выпад в сторону Запада (а что является выпадом, будут решать в Брюсселе) станет основанием для натягивания экономических “вожжей”» [3, с. 56].

Третий, «норвежский», сценарий представляется авторам наиболее благоприятным для России, Речь идет о том, что, следуя логике Брюсселя и принимая законодательство, в разработке которого они не участвовали, Норвегия и Швейцария, тем не менее, не вступают в ЕС. Авторы полагают, что, получая выгоды от партнерства с ЕС, Россия в то же время сохранит известные степени свободы и независимости на мировой арене. Тем не менее, авторы предупреждают, что «принятие Москвой законодательной базы ЕС в условиях, когда у нее отсутствует даже теоретическая перспектива вступления в союз, означает, что Россия ...низводится до положения фактического сателлита обновленного Европейского союза» [3, с. 57–58].

Приходится признать, что речь шла об относительно «мягких» сценариях интеграции, ведь Россия тесно связана с Европой исторически и экономически, хотя практически при любом раскладе ей и придется менять «базисную концепцию суверенитета». Однако существует гораздо более жесткий сценарий. Речь идет, в частности, о новом стратегическом плане безопасности, разработанном американской администрацией [4, с. 64].

Вот его основные элементы. «Во-первых, традиционная система нераспространения <ядерного оружия> потерпела крах». Во-вторых, США, исходя из того, что «хорошие парни» сегодня могут завтра превратиться в «плохих», должны не только сохранять, но и постоянно совершенствовать свой огромный стратегический ядерный арсенал. В-третьих, «в отличие от прежних “плохих парней” (Советский Союз), нынешние страны-изгои и террористические организации не поддаются сдерживанию, а посему должны быть разгромлены в ближайшее время». Наконец, в-четвертых, «плохие парни» не соблюдают никаких правил [4, с. 68].

Как пишет другой автор, «для американцев оскорбительна сама идея о торге на равных с “режимами-париями”», поскольку она противоречит концепции мира «по-американски» [5, с. 96–97]. Поэтому доктрина превентивного (упреждающего) удара становится одной из составляющих внешней политики США [4, с. 67–69]. Автор подчеркивает двойственность

моральных стандартов, лежащих в основе этой доктрины: «ядерное оружие, находящееся в распоряжении одних государств, является злом, а в распоряжении других – благом» [4, с. 73]. Г. Зюганов, чья книга («Глобализация и судьба человечества» М., Молодая Гвардия. 2002) рецензируется в этом же номере журнала, прямо квалифицирует нынешний курс американской администрации как масштабное изменение мирового порядка, как «принуждение к глобализации» с опорой на военную силу.

Терроризм: «танки против Аллаха»

Актуальными для России являются размышления о «палестинизации» терроризма как способа достижения стратегических политических и социальных целей. Как отмечает Г.Люфт, «по мнению палестинцев главным достижением кампании <террора> стала не только гибель большого числа людей, но, прежде всего, спад экономики Израиля, крах туристической индустрии, деморализация населения» [6, с.108]. У этой проблемы нет военного решения, так как «человек много умнее ракеты». Не менее важна и моральная подоплека: «Проповедуя героизм, в корне отличающийся от героизма в иудейской традиции, палестинская интифада возвеличивает террористов-самоубийц, провозглашая их “подвиги” образцом самоотверженности и преданности общему делу» [6, с.112].

Хотя «израильские лидеры громогласно заявляют, что не уступят террористам (в этом же номере журнала опубликована рецензия М. Шкундина на книгу Б. Нетаньяху «Война с терроризмом», М. 2002, в которой израильский экс-премьер выступает за самые жесткие экономические, дипломатические и военные санкции против всех террористических государств), на деле уже сейчас происходит обратное. Экономическая и дипломатическая цена, которую израильтяне готовы заплатить за постоянно укорачивающиеся периоды затишья, неуклонно растет». Израильтяне возводят все новые «стены», а палестинцы видят в этом их поражение и укрепляются «в мысли, что там, где бессильна дипломатия, помогает война» [6, с. 112].

Глобализация и изменение политических и социальных институтов

На мой взгляд, эта тема – одна из центральных. Она обсуждается в двух планах: общемировом и российском. Практически в каждой статье отмечается необходимость изучения новых тенденций: возвышение роли ТНК, появление на международной арене «негосударственных действующих лиц» (Хоффман); «партнерство политики бизнеса и гражданского общества»; формирование на базе сетевых структур горизонтальных, не знающих территориальных границ источников легитимности [7, с.161–162]; растущий вес в системе международных организаций силовых структур в ущерб социально-ориентированным. Отмечается, что международный порядок должен быть «основан на справедливости и взаимопомощи» [8, с.104]. Особое беспокойство вызывает ключевой вопрос: кто создает правила игры на мировой арене? Например, президент Буш сформулировал свою позицию четко и недвусмысленно: «Я играю не по учебникам, я играю нутром» [Цит. по: 9, с. 200]. Ж. Сарاماгу прямо называет экономическую глобализацию новой формой тоталитаризма: «Империя <т.е. США> уже пришла – вот она, и трусливый мир рукоплещет ей» [10, с. 177–178].

Но одно важное для социологов обстоятельство очевидно: принципы межгосударственного взаимодействия и строительства меж(над)государственных структур выделяются политиками и политологами в качестве предмета самостоятельного анализа. Практически все авторы, на базе самого различного материала (исследования силовых акций международных коалиций, межгосударственных конфликтов, надгосударственных техноэкономических структур или экологических катастроф) говорят об одном и том же: сложившиеся система и функции международных экономических и политических институтов не соответствуют новым реалиям.

А что же Россия? В. Мау исследует одну из наиболее животрепещущих для нее проблем: эффективность иностранной помощи. Отмечается, что «разрыв институциональных

систем доноров и реципиентов не позволял первым понять существо проблемы бедности, а вторым использовать предоставляемую им помощь по назначению» [11, с.197]. «При наличии доступа к “дешевым деньгам” страна-реципиент не уделяет должного внимания формированию внутренних долгосрочных факторов роста – соответствующих политических и экономических институтов». «Дешевые деньги» создают слишком большое искушение для власти, провоцируя коррупцию, особенно в странах с низким уровнем развития демократических институтов [11, с. 198]. С другой стороны, международные институты-доноры имеют свои интересы, а их методы оценки эффективности помощи грешат технократизмом (считается, например, что «хорошие» эксперты вырабатывают «хорошую» политику, которую затем «хорошие» правительства воплощают в жизнь на благо общества).

«Очевидным уроком посткоммунистического развития вообще и в особенности России является негативная роль гуманитарной помощи. Российский опыт свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев помощь такого рода не только неэффективна, но и даже вредна для страны-реципиента» ... «Нехватка продуктов первой необходимости в странах с определенным уровнем социально-экономического развития не является природным феноменом, но связана с плохим функционированием соответствующих институтов. Поэтому предоставление гуманитарной помощи прежде всего создает дополнительные препятствия для формирования таких институтов, а также подкармливает тех, для кого гуманитарная помощь является прибыльным бизнесом» [11, с. 204]. Общий вывод: «содействие строительству институтов – как политических, так и экономических – является приоритетным направлением предоставления помощи» [11, с. 205].

* * *

Даже столь краткий обзор подводит к нескольким выводам. Социология не может игнорировать того факта, что мир как целое стал ареной социального действия. Поэтому не только транснациональные элиты и эпистемные сообщества, но и государства-нации, их взаимодействие в глобальном контексте должны, вероятно, стать предметом социологического анализа. Далее, глобализация несет с собой не только рост возможностей, но и ограничения (суверенитетов, гражданских прав и свобод), не только блага, но и новые формы сопротивления, конфликтов и контрдвижений. Наконец, так ли уж безальтернативна европейская модель глобализации? Или, как говорят антиглобалисты, возможна ее «другая модель»? И выработают ли исключенные из «золотого миллиарда» страны и общности в изменившемся мире свой *modus vivendi*?

Цитируемые статьи

1. Хоффман С. Столкновение глобализаций. Как сделать мир более пригодным для жизни // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. 2003. С.78–91.
2. Иноземцев В. Глобализация и неравенство: что – причина, что следствие? // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. 2003. С.158–175.
3. Бородачев Т., Романова Т. Модель на вырост. Выбор России надолго определит ее отношения с ЕС // Россия в глобальной политике. Т.1. № 2. 2003. С.49–62.
4. Перкович Д. Ядерная революция Буша // Россия в глобальной политике. Т.1. № 2. 2003. С.64–74.
5. Булычев Г. Эволюция или революция? // Россия в глобальной политике. Т.1. № 2. 2003. С.92–99.
6. Люфт Г. «Живая бомба» Палестины: оружие, против которого нет защиты // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. 2003. С.106–113.
7. Ришар Ж.-Ф. Двадцать лет спустя. Глобальные проблемы и способы их решения // Россия в глобальной политике. Т.1. № 2. 2003. С.156–16

8. *Мухаммед Аба аль-Хейм*. Эгоизм силы. В ожидании новой холодной войны // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. 2003. С.101–104.

9. *Пименов А.* Инстинкт превыше всего. Джордж Буш на линии фронта // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. 2003. С.197–200.

10. *Сарамагу Ж.* Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. Т.1. № 1. 2003. С.176–180.

11. *Мау В.* Искушение «дешевыми деньгами» // Россия в глобальной политике. Т.1. №2. 2003. С.194–208.